

Юность

Лучше гор могут быть...

Владимир Высоцкий

Новенькие «вибрамы» — горные ботинки в картонной коробке — я забыл в троллейбусе. Он вёз меня в Рижское лётно-техническое училище от памятника Свободы, далее по мосту через Даугаву на улицу Пилоту, дом один.

Ботинки я купил в Москве, в спортивном магазине. В столицу приехал впервые. До начала учёбы оставалось три дня, поэтому у меня было время посмотреть город.

Купил билет до Риги, сдал вещи в камеру хранения и стал изучать достопримечательности Москвы. Побывал на вднх, сходил в гум, посетил Мавзолей, простояв в очереди четыре часа. Прошёлся по Красной площади. Спал урывками на Рижском вокзале и в метро. Случайно попал в театр на Таганке на сборный концерт, где выступал Аркадий Райкин. Я же наивно мечтал увидеть Владимира Высоцкого. Незадолго до этого на экраны страны вышел фильм «Вертикаль», и песни из него стали очень популярными.

Отучившись первый курс, поехал в отпуск к себе на родину — в посёлок Майна, находящийся в окружении Саянских гор. На летние каникулы там собрались мои одноклассники. Я предложил сходить на Борус — пятиглавый хребет, который был виден из нашего посёлка. Его высота составляла две тысячи триста метров, это сравнимо с Фудзиямой в Японии. Согласились пойти в поход четверо: Вова Шептюк, Саня Высоких, Витя Дырков и приехавший на лето к нам из Новокузнецка мой двоюродный брат Женька Чернаков. Витя Янушкайтис — друг по занятиям футболом, боксом и борьбой — по какой-то причине с нами не пошёл.

В человеке с древних времён живёт жажда познания неизведанного, желание заглянуть за горизонт, увидеть, что же там, за горами, за лесом, за поворотом реки. Борус всегда привлекал меня своей недоступностью, манил к себе блеском снеговых вершин. Он обычно стоял на первом месте в моих мечтах таёжного бродяги...

Собрались быстро. Взяли с собой тушёнки, гущёнки, хлеба. Не забыли овощей с огорода.

Я прихватил ружьё, палатку, топор и фотоаппарат. Вот бы где пригодились мне «вибрамы», которые потерял в Риге! Планировали подняться на Борус, затем спуститься в долину Джойской Сосновки, построить плот и на нём сплавиться до Майны.

Ранним августовским утром доехали на автобусе до посёлка Черёмушки. Перебрались по мосту через Енисей и по Таловому логу стали подниматься в горы. Сначала тропа шла вдоль ручья, изредка пересекая его. По пути лакомились брусникой и орехами, подбирая на ходу кедровые шишки-падалицы.

Мы часто останавливались на отдых, с наслаждением пили прозрачную ледяную воду и, положив рюкзаки под голову, лежали на мягком мху в тени деревьев. Ручеёк весело журчал, искрился брызгами, протекая между корней пышных кедров и разлапистых елей. Небольшие скалки были покрыты широколистным баданом и пахучим багульником. Смолистый запах разомлевшей под солнцем тайги казался особенно приятным нам — уже городским жителям. Пёстрая кедровка, перелетавшая с одного дерева на другое, недовольно «закеркала», явно прогоняя нас со своей территории. Мы, как бы соглашаясь с ней, молча начали собираться в путь.

Скоро лес поредел, но вершины хребта ещё не было видно. Одна тропа пошла на подъём, другая продолжала идти вдоль горы. Мы остановились и начали спорить, как двигаться дальше. Мнения разделились. Я доказывал, что надо и дальше следовать вдоль горы. А Виктор Дырков убеждал, что лучше подниматься вверх. Минут пять мы выплёскивали свои эмоции. Потом я шутя согласился с предложением Виктора. Остальные поверили нашему доводу, что «это наши горы — они помогут нам»...

Тайга заканчивалась. Тропа перескакивала через россыпи небольших камней, вилась по крутому склону. С нами взбирались одинокие лиственницы да кедровый стланик, который цеплялся своими корнями за любую почву, способную вдохнуть жизнь в этой «казённой пустыне». Иногда под базальтовыми плитами было слышно журчание ручья — это таял накопившийся с зимы лёд.

Постепенно растительность уступала место россыпям крупных камней — курумнику. Подъём

становился круче, и нам приходилось то и дело обходить препятствия. Солнце опустилось к западному хребту, когда мы подошли к скале, за которой виднелся вершинный гребень. Идти дальше уже не оставалось сил — следовало сделать здесь привал на ночёвку. Тем более что тут можно было насобирать хворост и обломанные ветки сухостоин лиственниц и кедров, закрученных злыми ветрами, но не поваленных. На защищённой от ветра площадке разбили лагерь. Расстелили брезент, зажгли костёр и приготовили нехитрый ужин.

В горах темнеет быстро. Лишь только солнце на западе скрылось за саянскими хребтами, как из распадков поднялась тьма. Она охватила тайгу, и скоро на фиолетовом небосклоне появились первые звёзды. Закат угасал, становилось тихо, наступала ночь. Здесь, в поднебесье, на суровых вершинах гольцов, среди скал и безжизненных курумов, человек как нигде чувствует себя малой песчинкой перед огромным, всевластным и бесконечным миром и тем, кто им правит.

Мы лежали, обессиленные тяжёлым подъёмом, пытались по еле приметным огонькам угадать наш посёлок Майну. Молча испытывали гордость за то, что наш костёр на вершине хребта, наверное, видят за много километров отсюда. Луны ещё не было, а огромные звёзды стали так близки! Казалось, что мы находимся в центре мироздания, а горы повисли на коромысле Млечного Пути.

Утром мы встали вместе с солнцем, которое осветило сначала вершину. Потом оно нежно коснулось нас своими тёплыми лучами, прогоняя холод и мрак уходящей ночи. Над Енисеем клубились облака, а по таёжным распадкам стоял белёсый туман.

Быстро попив чаю, мы собрали вещи и двинулись вверх. Через час достигли вершины. Увиденное поразило нас! Перед нами во всём своём величии возвышался Борус. Мы оказались на одном из отрогов главного хребта. Внизу лежал каменный цирк, на дне которого маленьким изумрудом зеленело озеро. Какое-то время мы молча озирались по сторонам, сияясь охватить и запомнить эту сказочную красоту — таёжные дали, расчёрченные серой лентой Енисея, саянские гольцы на горизонте и желтеющие вдали хакасские степи. Сделали фото на память и начали спуск.

Мы рассчитывали выйти к увиденному водоёму, на берегу которого находилась изба. По пути я тщетно оглядывал скалы, надеясь заметить горных козлов, о которых читал в книгах. К вечеру достигли озера. По его берегам росла сочная трава. Вода была изумрудно-зелёной. Она оказалась такой прозрачной, что даже на глубине виднелись все камни.

Мы вволю напились ледяной воды и по едва заметной тропинке вышли к избе, которая была

сложена из нетолстых брёвен. Внутри имелись нары, небольшая железная печка. У маленького застеклённого окна располагались грубо сколоченный стол и огромная лавка. Неожиданно из-под нар выскочил горностаий и внимательно осмотрел нас своими чёрными бусинками глаз. Он, наверное, привык к частым посещениям жилища туристами. Зверёк немного посидел и, недовольно «уркнув», исчез под нарами.

Сил на решающее восхождение на основную вершину Боруса у нас уже не осталось. Решили отложить штурм горы на завтра. Но утром в горах испортилась погода. Пошёл мелкий дождь, небо затянуло низкие, без просвета, серые облака. В таких условиях взбираться по скользким камням было опасно.

Целый день мы валялись на нарах. От скуки затеяли турнир, соревнуясь в меткости стрельбы по мишени. На кону была банка сгущёнки. В итоге не без лёгкого плутовства я и Виктор, к явному неудовольствию других участников, выиграли этот приз.

Утро следующего дня встретило нас морозящим дождём, который выводил на крыше свою грустную мелодию. Всё было окутано промозглым туманом. Затяжной дождь шёл всю ночь. Несмело нарождался новый день. Природа молчала. Тишина угнетала всё живое. Даже так полюбившийся нам смелый белогрудый зверёк не появлялся из своего убежища. В лесу не слышно было птиц. Только в горах глухо гремели камнепады, уныло скрипела сухостоина за окном, да пару раз каркнула в ночи ворона.

Еда у нас заканчивалась. Да ещё один участник нашей группы получил травму. Это случилось утром. Вовка Шептюк колот дрова, и отлетевшая щепка поранила ему глаз. Мы решили возвращаться домой. Стали собираться и на полке нашли журнал восхождений на Борус. Сделали запись о том, что покорили вершину, которая оказалась отрогом главного хребта. В шутку окрестили её «пиком Дураков». Приехав в Майну через тридцать лет, я с удивлением узнал, что это название сохранилось в среде горовосходителей.

А мы налегке, почти бегом, спустились вниз к Енисею и к вечеру вернулись в свой посёлок. У нас навсегда сохранилась мечта подняться когда-нибудь на вершину Боруса. Об этом походе я сложил несколько строк: «На Борусе дожди. Меня уже не жди. Умоется слезой осенний листопад...»

В Саянах прошла моя юность. Там я полюбил сверкающие громады гор и бесконечные таёжные дали, где слушал волшебную музыку живой природы, и, возвращаясь через много лет к себе на родину, как святая святых пронёс в своей душе любовь к этому суровому и прекрасному краю.

Заглянуть за горизонт

*Когда-нибудь, страшно подумать — когда,
Сбудется день иной, —
Тогда мы, дружище, вернёмся туда,
Откуда ушли давно.*

Ю. Визбор

Ранним осенним утром 2016 года поезд Абакан — Москва подошёл к станции Ачинск. Стоит он около часа — меняют тепловоз на электровоз, который ставят с другой стороны, в голову состава. Было по-осеннему прохладно. Я закутался в казённое железнодорожное одеяло, вышел на перрон и сонно прогуливался по бетонной дорожке мимо дремлющих ещё в столь ранний час вагонов с одной стороны и стеклянным вокзалом с другой. Вечно юный Ленин всё так же сиротливо стоял под вечнозелёной ёлкой и грустно смотрел на содеянное им сто лет назад страшное потрясение России.

Составы с лесом, нефтью и углём бесконечной материально-денежной чередой тянулись из нашего кармана на запад, выполняя его святое завещание, что наши дети будут жить при коммунизме. Ста лет не прошло с того бурного времени, когда обманутый народ поверил этому наивному обещанию. Развалили державу, разграбилижитое поколение, растоптали веру и, заменив локомотив, устремились в противоположное направление, к своему светлому будущему. А в конце двадцатого века в очередной раз сменили машиниста и направление, дружно поёрли в ещё более светлую страну под названием «капитализм».

Мои мозги продуло свежим дорожным ветерком. Я зашёл в вагон и, взбодрённый утренним кофе, погрузился в воспоминания о нашей с сыном, который сладко посапывал на нижней полке, поездке на свою родину, в посёлок Майна. Попастъ туда я стараюсь каждый год, и эту поездку ждал с особенным нетерпением.

На то были свои причины. Два года из-за болезни совсем не выезжал из города Омска. Потом год ушёл на продвижение и выпуск книги, куда вошли мои воспоминания о юности, проведённой в Саянах. Сын тоже был занят. И тут во второй половине сентября — как благодать сверху накрыла: картошку на даче убрали, здоровье благодаря ежедневной утренней зарядке, пробежкам босиком по росе и таблеткам стабилизировалось, и появилась уверенность в благополучном исходе нашего с сыном путешествия. Он тоже подгадал свой отпуск к этому времени, брат нас ждал, да и я очень соскучился по Саянам, Енисею, сыну, родственникам, охоте, грибам, своему посёлку. А главное — очень надеялся совершить восхождение на Борус. Мне уже шестьдесят два года, неважное здоровье и другие причины давали мне, наверное, последний шанс повторить поход юности.

В Абакан приехали рано утром. Пересели в маршрутный автобус, заполненный юными футболистами, и уже через полчаса катили по прямой, как детская мечта, автострада по направлению к Саяногорску. Впереди лежала жёлтая хакасская степь с тысячелетними древними курганами и светлыми озёрами. После очередного затяжного подъёма на лысый холм увидели зубчатую громаду хребта Борус, возвышающуюся над синими горами.

Дорога, как стрела, выпущенная из крутого хакасского лука, упирается в таёжное предгорье, где на месте села Означенное — форпоста России с девятнадцатого века — раскинулся на степном просторе красавец Саяногорск. По широкому и немногочисленному утреннему проспекту устремляемся к берегу Енисея, вдоль которого крутым серпантинном ведёт дорога в посёлок Майна. Чистый, уютный, в большинстве своём состоящий из одноэтажных деревянных домов, родной посёлок до сих пор вызывает во мне щемящее чувство свидания с родиной. Сердце учащённо бьётся в груди, с волнением узнаёшь близкие тебе с детства скалки на берегу Енисея, возле Майнского ключа, островок соснового леса на придорожном буторке, где до сих пор сиротливо стоит плакат со словами Ломоносова: «Могущество России будет прирастать Сибирью». Старое кладбище, заросшее березняком, заброшенный Екатерининский рудник и знакомые очертания предгорий, уже раскрашенные кистью печального художника по имени Осень.

Когда то в далёком 1975 году, в студенческие каникулы, мы с друзьями не смогли подняться на вершину Боруса и заглянуть за горизонт, о чём я написал в своём рассказе. И вот, без особой подготовки, собрались мы аврально за полдня: прикупили продуктов и спальник для сына, остальное нашёл в шкафу своей майнской квартиры. Из её окна, в узком разрезе речных енисейских откосов, виднелся главный хребет Боруса, раскрашенный сине-белыми цветами, как маковки церкви за моим домом. Она была перестроена из бывшего старого садика, в который я ходил в детстве.

Одежду, обувь, палатку, посуду, полиуретановый коврик, одеяло распределили по рюкзакам. Сын привёз с собой станковый рюкзак, куда мы закинули объёмные вещи. Быстро наварили пельменей, заправились на дорожку, загрузились в машину к брату и поехали по тому же пути, как и полвека назад, — через Черёмушки, по мосту через Енисей и по Таловому логу до начала тропы на Борус. Там перегрузили на себя нелёгкую поклажу из вещей и прожитых лет, поблагодарили брата, попрощались и, вдохнув глубоко смолистого таёжного воздуха, бодро поспешили вверх по извилистой, хорошо утоптанной, переплетённой корнями кедров тропе.

Первый привал сделали на развилке от основной тропы к водопадам. Я сходил к ручью за водой. Облегчил рюкзак сына, которого от непривычной крутизны и чистого озона слегка начало покачивать. Свои ботинки, одеяло и топор спрятал под колоду и прикрыл мхом.

Постепенно мы втягивались во вьючно-ходячий ритм движения вверх. Навстречу попались двое молодых людей с измученными, слегка постаревшими лицами, которые провели на горе неделю. При подъёме попали под снег, мёрзли в палатке, но всё же поднялись на Малый Борус и теперь почти бегом возвращались домой из негостеприимных каменных чертогов.

Мы торопились до темноты преодолеть перевал, дойти до ручья и успеть встать лагерем как можно ближе к вершине. На повороте тропы не заметили указателя и ломанулись, как маралы, вниз в Пойлов лог, но вовремя спохватились, увидели, что тропа не хожена, повернули обратно и через час вышли к курумнику. Ориентиром вверх служила глыба гранита, раскрашенная красной краской. К ней мы и устремились. Мне было привычно скакать по большим камням, округлённым временем, водой, льдом. Наверное, ноги помнили юношеские походы, и я шустро, иногда опираясь на четыре своих конечности, почти без передышки поднялся к границе кедрового стланика. Передохнул, оставил свой рюкзак и уже налегке, опираясь для равновесия лыжными титановыми палками, спустился к сыну, забрал у него пакет с едой, и уже вместе мы, не торопясь, поднялись на перевал. Я, конечно, переживал за сына: он имел уже опыт подъёма на окружающие посёлки горы, но по таким кручам ему карабкаться ещё не приходилось. Мы успели до сумерек, которые быстро наступают в горах, преодолеть самый сложный участок. Появилась надежда на удачу при восхождении на вершину. Прогноз на хорошую, без дождей, погоду был только на два дня, и я не хотел, чтобы опять мечта улетела от меня синей птицей.

Сверху в уже закатном солнце виднелись хребет и его вершины — Большой и Малый Борус. К ним вела лежащая внизу долина ручья, куда мы поспешили с сыном.

Место для ночлега выбрали на сухом пригорке у тропы, возле коренастого кедра. На ровной площадке, покрытой светлым мхом, поставили палатку. Сын пошёл за водой к шумящему на камнях ручью, а я быстро, до наступления темноты, стал собирать хворост для костра. Мы так спешили на подъёме, что не успели проголодаться, и вот, когда из котелка на костре потянуло запахом каши и тушёнки, мы почувствовали, как устали и хотим есть. Только утром были в Абакане, а уже вечером поднялись на километр в горы, сидим у вечернего костра под хребтом, едим кашу и пьём

ароматный чай. Любая еда в тайге кажется самой вкусной, вода волшебной, а чай божественным.

Ночь в горах наступает быстро. Только вершины хребта какое-то время подсвечивались косыми лучами заходящего солнца. Всё это напоминало картины великого художника Рериха. Такие неземные краски можно увидеть только в горах. Небо постепенно меняло цвета — от бирюзового при закатном солнце до фиолетово-чернильного, когда ночь уже накрыла своим чёрным плащом полмира.

Наш костёр освещал лишь маленький уголок лежащего у нашей поляны огромного мира, и мне представлялось, что этот крошечный светлячок на горизонте видит такой же, как я в детстве, мальчуган и так же, как я, мечтает подняться на Борус. А вверху ярко-жёлтая луна — свеча ночная — растворяла тени и наполняла тайгу своим холодным, призрачным светом.

Ночью было прохладно, пришлось натягивать на себя всё, что было под рукой, а нагретые в костре камни я сложил в котелок и занёс его в палатку. Это спасло положение, но ненадолго.

Утро выдалось на редкость тихим и солнечным. Где-то в кустах деловито щебетали таёжные птицы, пел свою песню говорливый ручей, кедровка приступила к своей работе по требованию шишек. Я проснулся рано, взбодрил костерок, набрал в котелок воды, разогрел еду и дал сыну выспаться, отдохнуть после трудного перехода. В горах нужно особенно тщательно следить за ногами: важно, чтобы были хорошие носки, лёгкая, удобная, хорошо подобранная по размеру, нескользкая обувь. Желательно иметь палки для облегчения нагрузки и устойчивости при подъёме и спуске. Перед отъездом в горы я всё лето тренировался по утрам: делал зарядку, бегал босиком по траве, — и до перевала шёл легко, без одышки. А ещё я бродяга, охотник, рыбак, горнолыжник, пенсионер, самодеятельный художник и писатель, радиотехник, энергетик, муж красавицы-жены, дед и просто самый счастливый человек в этом суровом и прекрасном мире.

Мы позавтракали, залили костёр, сложили в палатку свои вещи, взяли с собой конфеты, воду и налегке двинулись вверх по тропе. В нескольких местах пересекали ручей. На полянах отдыха было относительно чисто и порубок деревьев и кустарников не было. Это радовало, хотелось замечать только красоту окружающей природы, а не человеческие безобразия.

В конце тропы, там, где висели предупреждающие плакаты об опасном газе радоне, стояли две жёлтые палатки. Дальше виднелся небольшой водопадик, где мы попили вкусной холодной воды, поклевали мелкую, но вкусную ягоду чернику. Нас догнали мужчина с женой и парнишкой лет двенадцати, из Абакана. Они шли ходко, без ночёвки, и это их восхождение было не первым. Мы

постарались от них не отставать. Через сто метров, за последним на этом склоне кедром, корявым от сильных ветров, со сломанной вершиной, на которой чудом зацепилась пара шишек, повернули влево и стали подниматься по каменистой осыпи, кое-где прореженной мелким кустарником. Через полчаса поднялись на полку, отдохнули и полезли на гребень. По нему собирались добраться до вершины Малый Борус.

Этот путь занял около часа. Мы достигли края осыпи. А дальше было ущелье, заваленное камнями, обломками скал, верхний склон которого был испещрён глубокими бороздами, образованными, наверное, сползающим вниз по склону льдом. Идти вверх по гребню стало проще. Отдельные валуны были огромны и достигали в диаметре шести метров. В некоторых местах были заметны следы восхождения—светлые борозды от стальных триконей на поверхности серых камней.

Дальше подъём пошёл круче, чаще на нашем пути вставали каменные стены, которые надо было обходить стороной. Поднявшись на очередную полку, мы с изумлением увидели куст кедрового стланика, который чудом зацепился за небольшой островок мха, на котором, что самое удивительное, росли три маслёнка. Рядом, у края обрыва, застыл в прыжке каменный барс с тёмными узорами лишайников на шкуре. И это на высоте двух километров. Мы сфотографировали это чудо и полезли вверх. Нас окружало царство курумов и каменное безмолвие гор.

Вершина открылась неожиданно. Мы просто увидели гурий с воткнутой в него палкой и, уходящий влево и вправо от него хребет. Мы были выше гор. То, что чувствует человек, поднявшийся на вершину, а тем более исполнивший свою полувековую мечту, словами не передать. Я кружился на месте, пытаясь охватить взглядом и понять умом своё местоположение. Высота завораживала. А пространство, занятое горами, тайгой, переходящее на горизонте через туманную дымку в светло-синее небо и сияющее над тобой солнце, окрыляло тебя, и возникало чувство исполнения заветного желания, к которому ты стремился много лет, мечтал, и вот теперь ты счастлив, стоя на вершине,—ты выше гор! А за гребнем круто уходит вниз скальный обрыв. Внизу среди скальных осыпей видны два озера с зеленоватой водой. Саяно-Шушенская ГЭС дугой перегораживает Енисей, образуя перед собой зеркальную гладь уходящего на юг водохранилища. Вдали виднелась высокая вершина горы Голой. За Енисеем белел мраморный карьер, а за ним спящим медведем лежал голец Гладенькая. Справа горделиво смотрел на мир пик Кошурникова, а слева Большой Борус уходил своим зубчатым хребтом в сторону Ергаков. На юге сквозь сизую дымку можно было различить посёлок Майна, а в бинокль рассмотреть

торговый центр, школу, церковь и притулившийся возле неё мой дом. Представить обратное—то есть когда брат из посёлка смотрит на Борус, где я стою на вершине и машу ему рукой,—было для меня трудной задачей.

Мы присели на тёплые камни, отполированные шальными ветрами. Стояла необъятная тишина, не было ни ветерка, осеннее солнце распахнуло саянские дали, а в светло-голубой вышине парили орлы.

Спускаться всегда труднее, чем подниматься. Вода закончилась, я собирал под камнями снег и пытался им утолить жажду. Жиденский ручёк нашли уже в конце осыпи, перед выходом на карниз. А ещё ниже, в каменном цирке, лежало озеро Венеция с изумрудной водой, из которого вытекал ручей. И тут я вспомнил, как в том далёком юношеском походе мы солнечным осенним утром с горы, названной нами пиком Дураков, увидели этот пейзаж. Пик этот был продолжением отрога горы Кошурникова с которого мы спустились к избе у озера, где пережидали непогоду, надеясь всё же подняться на Борус.

Обратно шли не торопясь, тем же путём, осматривали окрестности, любовались горами, подмечали детали неземного пейзажа, которые, выражаясь словами Владимира Высоцкого, «не встретишь, как ни тянись, за всю свою счастливую жизнь». Вдыхали терпкий запах рододендрона, на альпийских полянах пытались отыскать волшебную лечебную травку саган-дайля, пили кристально чистую воду горного ручья. Я собрал на суп немного маслят, которые росли в большом количестве на седом мху. Вечером хорошо поужинали, запаслись топливом.

А вверх по тропе мимо нашего лагеря всё шли группы туристов. Торопились занять хорошие места, поднимаясь повыше, чтобы завтра, в субботу, рвануть вверх, на вершину. Один отряд из десяти человек, возглавляемый высоким бородатым мужиком, был чисто женским. Женщины шли за ним молча, без слов, как бурёнки за своим пастухом. Четверо школьников с торбами за плечами прошли вниз, в тайгу, брать чернику. Молодёжь, красиво одетая, радостная и счастливая, с гитарами, занимала поляны вдоль ручья. Ставили цветные палатки. А вечером ещё долго не умолкали музыка, песни и смех возле костров, которые жёлтыми светлячками зажигались на склоне горы по долине ручья.

Лучи заходящего солнца осветили группу островерхих лиственниц на хребте. Они вспыхнули, как маковки Спаса на Крови, и горели в осеннем пламени на каменистом склоне, пока жёлтое светило не утонуло за дальними горами.

Дымный костёр—вечный спутник бродячего люда—освещал каменистую площадку, растопыранные навстречу огню ветки кедра, как бы

желающие погреться, питаться теплом на долгую зиму. Блики огня играли на наших усталых лицах, ветка багульника, на широких листьях бадана, а искры костра взлетали к ночному небу, рассеивались и оставались сверкать в глубине мироздания. Особенно густо насыпало мерцающих огоньков над хребтом: видимо, горы притягивают к себе не только людей, но и звёзды. Мохнатые кедр и стройные ели стерегли вечернюю тишину Саян. Было тепло, уютно и загаённо-грустно от исполнения мечты, от неповторимости прошедших событий и понимания конечности нашего пути на этой прекрасной планете по имени Земля. Всё перемелется — камни в горах и беды наши. Всё перемолится — и грехи, и желания. Но останется выбранная нами судьба и путь, по которому идти нам и нести свой крест. Когда мы уйдём, я верю, в этом пятиглавом поднебесном каменном храме найдутся те, кто помолится нам вослед.

Утром сделал уборку площадки: побросал в костёр, что могло сгореть, прочий мусор сложил в пакет, чтобы унести с собой. Повесил над костром кастрюлю, в которую сложил всё, что у нас осталось из еды, — решил приготовить сборный суп рататуй, а сам удобно устроился у костра и стал шелушить шишки, чтобы не тащить с собой лишнего. Занятие оказалось не только полезным для снижения веса поклажи — мысли упорядочились, потекли спокойно, связано и свободно, как журчащий неподалёку ручей.

Неожиданно эту идиллию прервал скрипучий голос вороны. Она уселась на вершину кедра, что прикрывал нашу палатку своими пушистыми ветвями-руками, и, склонив набок свою надменную, безусловно умную голову, картаво обращалась ко мне с вопросом на своём древне-вороньем языке. Я, как интеллигентный человек, вежливо поклонился в ответ хозяйке местных лесов, скал и водопадов:

— Ну как поживаешь, старуха? Вот видишь, я вернулся!

— Поживёшь с моё — узнаешь. Всё шаритесь, всё ищите, чего не потеряли, — прокаркала старая мудрая птица.

Я, соблюдая местный этикет, оставил без внимания её колкости и с улыбкой ответил:

— Приятно поговорить со старой знакомой — срок лет не виделись. Человек — вредное животное, поэтому и живёт недолго, чтоб не натворить чего-нибудь.

— Да уж! Вижу, что вы натворили с Енисеем — никаких врагов не надо. Дождались уже милости от природы! Она, матушка наша, ничего не прощает. Вон как вы на Бабик рванули, когда авария случилась. Всё вам мало, — прокаркала она мне. — Прощай!

Усмехнулась горько и легко спланировала в утренний сумрак ущелья.

Возможно, всё это мне пригрезилось в этой волшебной стране гор и водопадов. Сказались усталость последних дней, горный воздух, обилие впечатлений и эмоций. Разве вороны умеют смеяться и говорить человеческим языком? Но всё равно приятно было побеседовать с умным... чуть не сказал — человеком! А вдруг и правда они умнее нас, а всё, что мы о себе выдумали, — это всё наша гордыня?

Мои мысли прервал проснувшийся сын. Он вылез из палатки, сладко потянулся, улыбнулся и спросил:

— Ты с кем это здесь беседовал?

— С вороной, — коротко ответил я.

— А, бывает.

Он взял полотенце и пошёл к ручью. Мы позавтракали и начали собираться. Палатку свернули и оставили возле тропы; послужила она нам на Севере, пригодилась и здесь, в Саянах, авось пригодится кому-нибудь ещё. Поднялись на перевал, попрощались с горой не как с бездушными скалами, а как с родным человеком, вернее, как с очеловеченной мечтой. Будто перенёсся в свою юность на эти три дня. Молодость богата романтической мечтой. С приходом старости наши желания и возможности уползают вниз, как седой вечерний туман в горах. Но пока ты можешь идти, доползти, дотянуться до своей цели, ты можешь считать себя счастливым человеком, оставшимся верным своей мечте.

Мы ещё немного постояли на заветном перевале. Нас радуют растворённая по краям бездонная синева осеннего неба, разлившаяся до бесконечности, дали саянской тайги в тончайшей лазоревой дымке и наполненность всем этим наших душ.

Когда шли вниз по тропе, я собирал опавшие с кедров шишки. Кедровки заметили во мне конкурента, гнусаво кричали, преследовали нас, перелетая с дерева на дерево. Под большим кедром нашёл тяжёлый металлический барабан для переработки шишек. По мху, нисколько нас не боясь, деловито сновали сенокосы. Маленькие, толстенные, с большими ушами, с травой в зубах: они были похожи на маленьких медвежат, и говорят, что от их помёта получается легендарное горное лечебное мумиё. Рыженькая белка мелькала в ветвях высокой ели.

— Мики, мики! — поманил я белочку — так подзываю их в парке Кадриорг в старом Таллине.

Все жители леса были заняты заготовкой припасов на зиму и не обращали внимания на «народ бродячий».

Из-за поворота показалась вереница людей. Я сошёл стропы, пропуская группу с объёмными рюкзаками за плечами, во главе которой уверенно шёл паренёк с весёлыми глазами, лет четырнадцати от роду.

— А где песня, командор? — спросил я, поддавшись их увлечённому напору, с каким они поднимались

по тропе, и сам задорно затынул:— А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер. Моря и горы ты...

Группа подхватила мой песенный призыв, сначала нестройно и невнятно, а потом грохнула во всю саянскую:

— Кто привык за победу бороться, с нами вместе пускай запоёт...

Испуганные кедровки брызнули от такого а капелла во все стороны, а их бодряя песня уходила вместе с ними вверх по тропе.

— Так держать, командор!— крикнул я вслед и помахал рукой.

Усталость в ногах почувствовали уже на подходе к визит-центру заповедника «Шушенский бор». Рядом с тропой был установлен плакат с пожеланием:

Доброй горы,
Чистого неба,
Родниковой воды,
И никакой беды!

Через час подъехал брат, мы набрали воды из родника с двумя источниками— как он пошутил, с живой и мёртвой водой,— загрузились и отправились к себе домой в Майну.

Вернувшись из похода, мне ещё долго казалось, что я всё время куда-то шёл, чего-то тащил, лез вверх, спускался вниз, преодолевал, ехал, бежал, планировал, беспокоился, выполнял, проверял и опять куда-то торопился. Дух бродяжничества, заложенный нашими беспокойными предками, неистребимо живёт в нас. Когда я смотрю на Борус— с весёлой печалью вспоминаю первый поход

на гору в далёкой юности, когда мы с друзьями легко и смело лезли вверх; а сейчас остался только один путь— вниз, вместе со своими светлыми, как горные снега Боруса, воспоминаниями, по тропе с названием «Жизнь». Так бывает, что однажды сделанный шаг в неизвестность оставляет нам подарок в будущем, а Бог даёт радость осуществления своей мечты.

Человечество, наверное, делится на тех, кто ходит в горы, и тех, кто с недоумением и непониманием смотрит на них снизу. Они шарятся по своим душным городам и пыльным дорогам, высматривают себе выгоду, а не созерцают красоту. Их чувства— зависть, трусость и жадность, они тупо лезут в компьютерную паутину, а не смахивают лёгкие паутинки с лица в осеннем лесу. А те, кто стремится в горы, тайгу:

- восхищаются, а не завидуют;
- созерцают, а не высматривают;
- стремятся возвысить свою душу, а не подмять под себя других;
- подают руку, помогают в беде, а не предают;
- верят, а не врут;
- смотрят в глаза, а не скользят по лицам;
- собирают камни, а не кидают их в других;
- улыбаются, а не кривят губы;
- преодолевают трудности и просто живут по человеческим законам и Божьим заповедям.